

DOI: 10.31862/0130-3414-2021-6-54-63

А.Н. СеменовОбско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
628011 г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация

Чтение как ценность в обско-угорских литературах

Аннотация. Цель статьи заключается в выявлении своеобразия понимания ценности обладания навыками чтения народами ханты и манси, отраженного в произведениях художественной литературы, выявлении отношения авторов и героев к умению читать как ценности окружающего мира. Основное содержание статьи обращено к анализу бытования чтения в литературном творчестве обско-угорских народов в его аксиологическом аспекте, к возможностям показать многообразие присутствия, проявления такой способности в художественном сознании народов ханты и манси, выяснить вопрос о том, какую роль играет умение читать, стремление к овладению таким умением в их представлениях о прошлом, настоящем и будущем, о смысле жизни. Автор статьи обращается к возможностям семиотического анализа, стремясь выявить характер и роль таких знаков, как чтение, умение читать, в конкретном художественном произведении. Обращение к текстам обско-угорской литературы, которые можно определить как репрезентативные, свидетельствует о том, что понимание ценности чтения присутствует в художественном сознании северных народов в самых разнообразных проявлениях: и как стремление к преодолению замкнутости традиционного жизненного уклада, и как одна из основ интеллектуального роста, духовной зрелости, формирования отношения к окружающему миру, и как взаимодействие, взаимообогащение мира реального и мира, искусственно созданного. Литература хантов и манси демонстрирует понимание чтения как определенной формы «потребления», стимулом которого могут быть стремление как к получению удовольствия, так и достижению желаемого гармоничного будущего; в этом же аспекте литература обских угров демонстрирует присутствие представления об овладении навыками чтения в качестве свидетельства, знака новой жизни.

Ключевые слова: чтение, аксиологический аспект, ценность, обско-угорские литературы, особенности мирозерцания, художественное сознание, духовный аспект

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Семенов А.Н. Чтение как ценность в обско-угорских литературах // Литература в школе. 2021. № 6. С. 54–63. DOI: 10.31862/0130-3414-2021-6-54-63

DOI: 10.31862/0130-3414-2021-6-54-63

A.N. Semenov**Ob-Ugric Institute of applied researches and projects,
Khanty-Mansiysk, 628011, Russian Federation**

Reading as a value in Ob-Ugric literatures

Abstract. The purpose of the article is to identify the unique understanding of the value of having reading skills by the Khanty and Mansi peoples, reflected in works of fiction, to identify the attitude of authors and characters to the ability to read as a value of the world around them. The main content of the article focuses on the analysis of the existence of reading in the literary work of the Ob-Ugric peoples in its axiological aspect, to the opportunities to show the diversity of the presence and manifestation of this ability in the artistic consciousness of the Khanty and Mansi peoples, to find out the role of the ability to read, the desire to master this skill in their ideas about the past, present and future, about the life's meaning. The author of the article refers to the possibilities of semiological analysis, trying to identify the nature and role of such signs as reading, the ability to read in a particular work of art. An reference to the texts of the Ob-Ugric literature, which can be defined as representative, suggests that the understanding of the value of reading is present in the artistic consciousness of the Northern peoples in a variety of forms: as an attempt to overcome the isolation of traditional livelihoods and as one of the foundations of intellectual growth, spiritual maturity, formation of relationship to the world, as well as the interaction and mutual enrichment of the real world and the world, artificially created. The literature of the Khanty and Mansi demonstrates understanding of reading as a certain form of "consumption", which can be stimulated by the desire to both get pleasure and achieve a completely desired harmonious future; in this aspect, the literature of the Ob-Ugrians demonstrates their ideas about mastering reading skills as a testimony, a sign of a new life.

Key words: reading, axiological aspect, value, Ob-Ugric literatures, worldview features, artistic consciousness, spiritual aspect

CITATION: Semenov A.N. Reading as a value in Ob-Ugric literatures. *Literature at School*. 2021. No. 6. Pp. 54–63. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2021-6-54-63

Целью данной статьи является анализ того, как художественная литература обских угров отражает понимание чтения северными народами, в чем они видели и видят его значе-

ние, как оценивают наличие и отсутствие способности читать.

Старшим поколением коренных жителей Югры уже само умение читать воспринимается как примета

счастливой жизни, свидетельство того, что «в прошлом темный и забытый человек» увидел «частицу настоящего счастья». Знаком этого служит, в том числе, и тот факт, что «мама стала посещать ликбез, научилась расписываться и читать печатный текст», как об этом рассказывает в автобиографической повести «На берегах Малой Юконды» М.П. Вахрушева [5, т. I, с. 40]. В повести О. Динисламовой, написанной в соавторстве со С. Динисламовой, «Диалог поколений: мама с дочкой» есть глава «Любовь к труду и чтению». Ее содержание примечательно тем, что передает, воспроизводит, на первый взгляд, некоторую несочетаемость дел и интересов повседневной жизни с тем, что открывает человеку чтение. Попытка мамы рассказать том, как в ее детстве «в магазинах не было фруктов», поэтому дети «бегали в лес» по ягоды, останавливается замечанием дочери о том, что она все это уже знает, поэтому «все, мама, извини, я буду читать!» [Там же, с. 84]. Испытанное мамой «в очередной раз» «шок-удивление» от дочернего «непонимания прелести собирания ягод» и ее «пристрастия к чтению» проходит, уступая место удивлению и пониманию правильности поведения дочери: «Многому до сих пор удивляюсь. Ты молодец, что много читала в детстве... Интересно, сколько раз ты перечитывала Чехова? Помнишь первое знакомство с ним: тебе три годика, я читаю тебе “Каштанку”, объявляю: “Автор – Антон Павлович Чехов!” Ты: “Мама, а он сам книжку эту принес?..”» [Там же, с. 84].

Мудрая мама словно бы противопоставляет реальную жизнь, которая представлена в тексте сбором ягоды

в лесу, и тот искусственно созданный мир, «вторую реальность», в которую попадает человек, увлеченный чтением. Она знает то, о чем не без иронии предупреждал Б. Шоу: «Чтение сделало Дон Кихота рыцарем, а вера в прочитанное сделала его сумасшедшим». А если без иронии, то размышления героини находятся вполне в русле аналитической философии и современного литературоведения, которые заняты проблемами взаимоотношений и взаимовлияний языка и реальности, реальности и чтения. Одно из решений проблемы находим в рассуждениях английского писателя и философа Н. Геймана, название статьи которого в форме вопроса «Почему наше будущее зависит от чтения и воображения» уже есть решение проблемы. Реальность, по его мнению, выглядит иначе и лучше воспринимается, понимается, когда при чтении художественной литературы «...вы, и только вы, используя свое воображение, создаете мир и населяете его и смотрите на мир другими глазами. Вы можете чувствовать вещи, посещать места и миры, которые иначе никогда бы не узнали. Вы узнаете, что все остальные – это тоже вы. Вы становитесь кем-то другим, и когда Вы вернетесь в свой собственный мир, Вы немного изменитесь» [4].

Ответ на вопрос, с чего может начинаться чтение, чтобы быть плодотворным, приносящим пользу, есть, к примеру, в повести О. Динисламовой «Диалог поколений: мама с дочкой» (глава «Любовь к труду и чтению»): оказывается можно начинать «со страшилок», чтение которых «и вправду захватывает». Так было с мамой, так было и с дочкой, которая не только читала, но, в свое время, «слышала от бабушки

и дедушки захватывающие и леденящие кровь истории, которые, казалось бы, не могут иметь места в природе, но они произошли с дедом, поэтому мое верю-не верю как-то даже и неуместно» [5, т. I, с. 84].

Стихи В. Молдановой демонстрируют попытку примирения мира реальной жизни и мира книжного. В стихотворении «Два зайчонок» один из героев «любит читать»:

...Книжка за книжкой, читает зайчонок,
Он может читать до утра.
Утро наступит, он книгу спросонок
Уже прочитал до конца.

А второй – зайчонок-шалун, которого автор называет «милый», не смотря на то, что:

Он спокойно не будет сидеть.
Вот рядом он был, и нет его тут,
За ним никогда не поспеть.

Самое примечательное в этом стихотворении заключается в том, что в нем нет деления героев на худшего и лучшего, более близкого или дорогого:

Мои любимые зайчата
Сердцу близкие всегда.
Эти маленькие братья
Всех дороже для меня.

[5, т. II, с. 310–311]

Выразительный пример разрешения противоречия между реальностью и искусственно созданным миром, «второй реальностью» художественного текста, есть и в повести О. Динисламовой, когда сказчица-дочь вспоминает историю дедушки о «странном звуке», похожем на «глухой низкочастотный гул», который постепенно приобретал «все более гнетущее и тяжелое звучание, будто тысячи гигантских медных труб одновременно, в унисон выда-

вали одну и ту же протяжную, бесконечную низкую ноту». Героям пришлось даже зажать уши, «чтобы хоть немного уменьшить давление этого ужасающего гула». Пройдет много лет, и уже внучка свидетеля такого события узнает, «что очень многим людям приходилось слышать подобные звуки на нашем Севере». Узнает, прочитав об этом в путевых записках по Югре одного путешественника – ученого из Европы» [5, т. I, с. 86–87]. Показательно то, как героиня пересказывает слышанное от своего деда и прочитанное в записках путешественника семнадцатого века.

По рассказу деда в какой-то момент гул стал настолько сильным, что «казалось, что барабанные перепонки вот-вот должны были лопнуть. Однако гул и не думал прекращаться. Вместо этого он стал разрастаться, менять силу, тембр и “форму”, если это так можно назвать. Теперь этот жуткий, леденящий кровь звук напоминал скорее оглушительный дикий рев и вопли какого-то огромного необъяснимого существа. Звук становился все громче и ближе, будто это неведомая сущность на стремительной скорости неслась прямо на ополоумевших от страха деда и Петра. В момент, когда страх достиг своего крайнего предела, и, казалось, что сердце вот-вот разорвется от этого неумолимо надвигающегося кошмара, дед внезапно вскинул ружье и с ругательством “Казарин! Я тебя не боюсь!!!” трижды пальнул в небо» [Там же, с. 86].

А рассказ путешественника о подобном гуле в пересказе опять-таки героини выглядит так: «Был ясный погожий денек, ничто не предвещало ничего неожиданного. Но, проезжая мимо Самаровской горы, с ее стороны

начал исходить леденящий душу рев и гул. Лошадей обуяла паника. Дьякон, обезумевши от ужаса и ежесекундно крестясь, погнал лошадей и помчался прочь, позабыв о важном госте. А бедному ученому повезло меньше: его лошадь, не на шутку перепугавшись, круто рванула с места, и он выпал из саней прямо в снег, да так и остался лежать там без чувств. Спустя некоторое время все звуки прекратились...» [5, т. I, с. 87]. Ценность чтения в данном случае проявляется в том, что источник, который прочитан, выступает в качестве доказательства достоверности того, что услышано.

С другой стороны, понимание роли чтения в формировании человека, представленное в повести О. Динисламовой, в силу своих возможностей развенчивает идеи, весьма популярные в XX в., смысл которых сводится к утверждению бессилия чтения в формировании человека, его гармоничных отношений с обществом. Так, уже в 1930 г. американский литературовед Г. Блум утверждал, что в новом времени «по-старому ничего уже не будет, потому что внимательное и вдумчивое чтение как искусство и страсть, легшее в основу нашего дела, держалось на людях, которые с молодых ногтей были фанатичными читателями» [3, с. 26]. А наша героиня даже и во второй половине XX в. как раз была «с молодых ногтей» увлеченным читателем. И нет ничего страшного в том, что начинала она со страшилок. Возможно, героине романа Е. Айпина «В поисках Первоземли» маме Романа, а затем и ему, по наследству в этом отношении повезло больше: «...мама и вправду вложила ему неукротимую жажду жизни. Когда она начала изучать русский язык, учителя посоветовали ей читать только

хорошие книги – настоящую литературу, в основном русскую классику. Она старательно читала. И запоминала не столько имена авторов, сколько их произведения. Полюбила бунинский сборник “Темные аллеи”. И в нем она чаще всего перечитывала рассказ “Холодная осень”: 1914 год, начало Первой мировой войны, дворянская усадьба, девушка провожает на фронт своего жениха. Мама каждый раз словно сама вновь и вновь проживала сцену проводов, последний вечер перед трагической разлукой с отцом» [1, с. 400].

Автор романа устами, судьбами и поведением, отношением к жизни своих героев развенчивает уверенность Г. Блума и некоторых его последователей в том, что «истинное назначение Шекспира и Сервантеса, Гомера и Данте, Чосера и Рабле – способствовать развитию глубинной сущности человека», однако в современных условиях чтение, которое можно обозначить как «вдумчивое», «не сделает человека лучше или хуже, не сделает его более полезным или более вредоносным членом общества» [3, с. 35]. Возьмем на себя смелость утверждать, что увлеченность чтением способствовала формированию творческого начала, помогала развитию таланта, без которого такая повесть была бы просто невозможна.

В поэме Н. Садомина «Здравствуй, друг!» русский купец, которого разыграли поставленным представлением, предлагает отдать ему «мальца», участвовавшего в розыгрыше, обещая при этом среди прочего: «Научу его читать и писать по-русски, / Будет верным помощником в сборе пушнины» [5, т. I, с. 219].

Ценность умения читать оказывается одним из убедительных

аргументов, чтобы родственники согласились отдать подростка чужому человеку. Во Второй песне-вести поэмы герой вспоминает о том, как он «возмужал за семь-восемь лет», как «научился говорить на трех языках», но особо он гордится тем, что успешно «Учился разговаривать с картинными книгами, / Читать и писать их узорчатыми знаками» [5, т. I, с. 225].

О похожей истории, случившейся с ее прабабушкой Анной, рассказывает Матьер Детей в романе Е. Айпина «Божья Матьер в кровавых снегах». Анна в тайге наткнулась «на искусанную комарами, обессилевшую от голода княгиню», бежавшую от самоедов, взяла ее к себе домой и выходила. А уже во времена происходящих событий правнучка не без гордости рассказывает о том, как Анна погостила у княгини в доме, как «она у нее и осталась», «нарядилась в русские одежды», но самое главное в том, что «княгиня научила ее читать книги и говорить на других иноземных наречиях» [5, т. II, с. 102].

В романе-сказании «И лун медлительных поток...» Г. Сазонова и А. Коньковой героиня Околь на вопрос Апра辛ьни о том, хорошо ли ей, сироте, живет у теток, которые «за манси себя уже не признавали, нос воротили, фыркали, когда останавливался бедный рыбак или охотник с тощим мешком» и «называли они себя опекунами», отвечает с улыбкой: «Хорошо!» Одним из показателей хорошей жизни и того, что ее любят, для девушки Околь является следующее: «Да кабы она не любила, разве учила бы грамоте? Читать меня тетушка Федора научила. И писать, – с гордостью ответила девушка. – Грамоту знаю» [5, т. I, с. 308–309]. Для вопрошающей Апра辛ьни получен-

ные Околь умения пока мало что значат: «Пи-са-ать... чи-та-ать... – дотронулось до Апра辛ьни, отпечаталось в сознании, хотя она до конца не поняла, что это такое “читать”... “писать”» [Там же, с. 309].

Авторам удается очень тонко психологически показать восприятие человеком ценности умений читать и писать – ценности того, чем он сам не владеет, а потому до конца ее и не осознает: «Видела она в церкви, как дьячок скрипел гусиным пером по белому, блее бересты, листку, рисовал какие-то странные, запутанные узоры. Каждая черточка не похожа на другую, цеплялась за третью и ложилась, оставляя кружевную цепочку следов. Видела она в церкви на полотне громадные, в человеческий рост, рисунки и так просто на стене узорную вязь или четкий, словно вырезанный тамга, оттиск, видела она таинственные знаки у волостного, что приезжал в Евру, когда проводил перепись и назначал ясак» [Там же, с. 309].

Не до конца понимаемая ценность умения писать и читать, иными словами, грамоты, никак не снимает убежденности героини в том, что ей эти умения необходимы: «Грамота, – раздельно проговорила Апра辛ьня, – что такое гра-мо-та? Давно я хочу знать, нужно... ой как мне нужно... и Ондрэ Хотанг про то говорил...» [Там же]. Апра辛ьня, по ее собственному признанию, трудно «понимать непонятное», в отличие от Околь, которой такое понимание доступно, ибо одна из тетушек «выучила ее читать Священное писание» [5, т. I, с. 311], которое стало для нее источником понимания жизни. В повести Ю. Шесталова «Тайна Сорни-Най» герой Венька получает

от тети Лены известие о том, как она выбиралась в свое время из осажденного Ленинграда, как погибла при взрыве бомбы его мама, как «папа пал смертью храбрых, защищая родной город», но главная новость заключалась в том, что «осталось от него завещание, в котором он, желая сыну расти большим и сильным, просил быть достойным своей великой Родины, продолжив незавершенное дело отца. Он оставил сыну какие-то карты, чертежи. Просил его разыскать в Сибири буровую, добурить скважину, бурение которой было прервано войной» [5, т. I, с. 499]. Венька узнал о том, что еще до революции его дедушка тоже искал в Сибири нефть. Пример жизни отца и деда «перевернули все мечты Веньки. Он стал теперь с жадностью читать книги, где говорилось о геологах, не пропуская ни одной статьи, связанной с этой профессией, ставшей казаться ему в высшей степени романтической и необыкновенной. У него теперь была ясная цель: стать разведчиком недр, выполнить завет отца и деда» [Там же].

Р. Барт в статье «От произведения к тексту» утверждал, что «произведение... доставляет удовольствие... Однако такое удовольствие... все же остается отчасти удовольствием потребительским» [2, с. 248]. Герой Шесталова испытывает такое удовольствие от чтения не обязательно художественных произведений, а источников, связанных с профессией, оставленной в наследство ему отцом и дедом. И это удовольствие с полным правом можно назвать «потребительским». Но сколько в этом «потребительстве» созидающего начала, стремления завершить начатое предшествующими поколениями?!

И в поэме-сказке А. Тарханова «Непослушный Мишка и смелый Зайчишка» можно наблюдать то, о чем писал ученый: чтение может спасти от одиночества, что вполне логично рассматривать в качестве одной из форм получения удовольствия. Непослушный Мишка распугал и разогнал всех, кто был рядом, и

...остался он один,
Этот шумный господин...
Скучно сразу стало Мишке.
Чем заняться?
С кем играть?
Почитать ему бы книжку –
Не умеет он читать.

[5, т. I, с. 373]

Заскучавший без развлечений «непослушный Мишка» хотел получить удовольствие от чтения, но для этого необходимо уметь читать, а он такой способностью не обладал. Сюжетный поворот детской сказки А. Тарханова наглядно иллюстрирует мысль Р. Барта и о получении удовольствия от чтения, и о том, что такое удовольствие «все же остается отчасти удовольствием потребительским». Однако даже на такое потребление не умеющий читать оказывается неспособным.

Мама в повести О. Динисламовой «Диалог поколений: мама с дочкой» рада тому, что последняя читает мансийскую газету. Именно с «Полыщма потер» («Устрашающие рассказы») в национальной газете началось чтение дочери. Ценность умения читать газету хорошо известна и герою Р. Ругина из повести «Сорок Северных ветров» Пораке, который, «хотя и прошел курсы ликбеза, читать не научился, умел только выводить первые буквы своих инициалов». Но, получив районную газету,

«заставлял старших сыновей в свободное время читать ему все, что было интересно в газете, особенно материалы международной жизни» [5, т. II, с. 542]. Чтение, которого так не хватает герою, необходимо ему для того, чтобы быть в курсе последних событий, происходивших в мире. Герой понимает, что ценность недоступного ему умения позволяет преодолеть оторванность от большого мира, помогает ощутить себя участником событий, которые происходят в разных краях Земного шара. Сожалеет о своем неумении герой Ругина и в тот момент, когда, получив телеграмму от сына, не может ее прочитать, а потому вынужден, только развернуть ее, память в руках и, не умея читать, передать другому человеку. Порака снова попадает в неловкую ситуацию, когда предполагает, каково название прошедшего мимо парохода, на что сопровождающая его старуха резонно замечает: «А ты откуда его название знаешь? У тебя что, глаза, как у рыбного коршуна? – И Сантара, слегка усмехнувшись, добавила: – Ты и читать-то не умеешь, а о названиях речь ведешь» [Там же, с. 565]. И тут выясняется принципиально важная подробность, обнаруживается довольно неожиданный вид чтения, когда герой возражает своей собеседнице: «Не заводи меня, старуха. Я буквы не умею глазами читать. Может, я умом читаю. Сердцем чувствую. Так что не болтай. Я точно узнал: это навигационный пароход и есть» [Там же].

Ю. Шесталов в повести «Сорни-Най», только уже в сказочном сюжете, живописует то, как читать умеют даже звери, правда, пока еще не все начинают осознавать ценность умения читать газеты. Рассуждения

Росомахи о «концентрации вредных веществ в воздухе» Медведь называет «чушью», «болтовней», а также интересуется, откуда она берет такую «болтовню», «эти фразы». На что получает уверенный ответ: «Откуда беру? Ты что, только родился? С газеты. Читать надо, миленький, нашу лесную газету. Все там написано. На все вопросы ответы найдешь. Хватит быть дремучим! Надо и с веком наравне становиться. Пора, Медведь, пора!» [5, т. I, с. 525].

А вот герой романа Е. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» Белый неумение читать понимает как один из источников трагедии, которая случилась с его страной, с его погибшим домом. Одним из виновников этой трагедии он видит себя: «Ведь в разорении моего дома, моего имения есть большая доля и моей вины. Жгли мои книги и картины, грабили мой дом и мои конюшни, мои амбары и сады русские люди, которые не умели читать и писать, не могли понять назначения картин и скульптур, парков и фонтанов. Если бы они могли читать и писать, они не стали бы жечь книги Пушкина и Толстого, не стали бы разрезать холсты Верещагина и Кипренского, не стали бы отбивать на грузила конечности скульптурам Фальконе и Опекушина, не стали бы насекать капусту на иконах Рублева. Я мог бы обучить их грамоте, позаботиться об их пище, одежде и кровле. Но, однако, я заботился только о своих детях, о своих родных и близких, чтобы они учились, чтобы были сыты и одеты-обуты, а над головой имели крышу. Вот в итоге и захотелось этим несчастным вытащить кусок хлеба изо рта того, кто жил в хорошем доме или дворце. Многие из них при этом

были голодны, раздеты и разуты, не имели крыши над головой. И все мы получили то, что сейчас имеем» [5, т. II, с. 111]. Этот эпизод воспринимается как гимн грамоте, особое наполненное величественной трагедийностью слово во имя умения читать. И читать необходимо прежде всего художественную литературу, ибо именно она, уверен Д.С. Лихачев, «дает нам колоссальный, обширнейший и глубочайший опыт жизни. Она делает человека интеллигентным, развивает в нем не только чувство красоты, но и понимание – понимание жизни, всех ее сложностей, служит проводником в другие эпохи и к другим народам, раскрывает перед вами сердца людей. Одним словом, делает вас мудрыми» [6, с. 75].

В обско-угорских литературах есть свидетельства того, насколько непростым может быть процесс осознания ценности чтения. Так, в пьесе Е. Айпина «Красная нарта» на вопрос Кати, приехавшей с партизанами, хочет ли учиться Микола, последний «недоуменно смотрит на нее» и отвечает: «Уу... учи-ца? Белку искать папа учит». Диалог продолжается:

«Катя: Не охоте, а грамоте. Читать и писать хочешь? Книгу станешь читать.

Микола: Кто учит?.. Папа не читать – охота ходит. Мама не читать – кисы шьет. Кто учит?

Катя: Теперь вот все по-другому будет при советской власти. Все охотники – по-новому жить станут. И читать научатся, и писать. Я сама буду всех учить» [5, т. II, с. 154].

Героиня, и не без оснований, видит в том, что таежные жители «читать научатся и писать», один из знаков, показателей того, что «все по-другому будет», что люди «по-новому жить станут».

Анализ того, как представлено чтение в обско-угорских литературах с аксиологической точки зрения, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, художественные тексты как хантыйской, так и мансийской литературы рассматривают в качестве одного из главных достоинств чтения его направленность на разрушение замкнутости и разобщенности как между людьми, так и между различными социальными группами, представителями разных народов и культур. Во-вторых, чтение понимается как один из источников интеллектуального роста, духовной зрелости, гуманного отношения к окружающему миру. В-третьих, авторы произведений обско-угорских литератур исходят из того, что противопоставлять искусственный мир «второй реальности», с которым общается читающий художественную литературу, и мир реальности, реальных дел, потребностей, забот человека, не имеет смысла. Диалектика заключается в том, что такие разные миры могут служить дополнением и развитием друг друга, они обладают потенциалом взаимообогащения.

В-четвертых, нет ничего предосудительного в том, чтобы понимать чтение как определенную форму «потребления», стимулом которого могут быть читательские стратегии, ориентированные как на получение удовольствия, так и на построение своего желаемого гармоничного будущего (карьеры).

В-пятых, обские угры сохранили представление, сформировавшееся в первой трети XX в., о том, что время, когда таежный человек в массе своей научился читать и писать, – это время новой жизни, время позитивных перемен, когда вся жизнь пойдет по-другому.

Библиографический список

1. Айпин Е.Д. В поисках Первоземли. М., 2019.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. М., 1989.
3. Блум Г. Западный Канон. Книги и школа всех времен / пер. с англ. Д. Харитонова. М., 2017.
4. Гейман Н. Почему наше будущее зависит от чтения и воображения. URL: <https://myenglishteam03.ru/category/blog/> (дата обращения: 08.09.2020).
5. Литературное наследие обских угров: В 2 т. Ижевск, 2016.
6. Лихачев Д.С. Письма о добром. М.; СПб., 2006.

References

1. Aypin E.D. V poiskah Pervozemli [Searching for the First Earth]. Moscow, 2019.
2. Barthes R. Izbrannyye raboty: Semiotika: Poetika [Selected works: Semiotics: Poetics]. Transl. from French. Moscow, 1989.
3. Bloom G. Zapadnyj Kanon. Knigi i shkola vsehkh vremen [Western Canon. Books and school of all time]. D. Kharitonov (transl. from English). Moscow, 2017.
4. Gaiman N. Pochemu nashe budushchee zavisit ot chteniya i voobrazheniya [Why our future depends on reading and imagination]. URL: <https://myenglishteam03.ru/category/blog/> (In Rus.)
5. Literaturnoe nasledie obskih ugrov [Literary heritage of the Ob Ugrians]. In 2 vols. Izhevsk, 2016.
6. Lihachyov D.S. Pisma o dobrom [Letters about the good]. Moscow; St. Petersburg, 2006.

Статья поступила в редакцию 25.09.2021, принята к публикации 25.10.2021
The article was received on 25.09.2021, accepted for publication 25.10.2021

Сведения об авторе / About the author

Семенов Александр Николаевич – доктор педагогических наук, профессор; заведующий Отделом обско-угорских литератур, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск

Alexander N. Semenov – ScD in Education, Full Professor, Head of Ob-Ugric literature Department, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Projects, Khanty-Mansiysk

E-mail: alin52@list.ru